

# Глава 3. Радикальные подходы и стратегии

Линда Давидофф:

Полагаю, меня отобрали, чтобы играть роль «мейнстримного» активиста на этой важной дискуссии. Хотя я согласна с Мюрреем и Дейвом в том, что экологический кризис серьёзен, я не уверена, что могу согласиться с их стратегическими подходами к изменению общества. Прежде всего, я убеждена в том, что приоритет следует отдать избирательной реформе и работе внутри системы.

Мне повезло участвовать в создании коалиции здесь, в Нью-Йорке, называемой «Окружающая среда '90». Мы – построенная на общей платформе инициатива, которая зародилась в этом году как отклик на предстоящие выборы мэра. Мы верим, что выбор между главными кандидатами и их платформами существенно повлияет на то, как будут идти дела в нашем городе в следующем году. Поэтому мы сплотили группы и личности, которые активно борются за лучшую окружающую среду и пытаются выработать общую позицию относительно того, на что мы надеемся в случае изменений в правительстве.

Нью-Йорком на протяжении последних 12 или более лет управляла экономическая школа, которая утверждала, что выход из нашего финансового кризиса в том, чтобы продавать, продавать и продавать всё, что можно, покупателям, предлагающим самую высокую цену, и таким образом укреплять налоговую базу. В случае Нью-Йорка то, что мы по большей части должны продавать, продавать и продавать, – это наша земля и разрешение вести на ней строительство. Группы наподобие моей вступили, вместе с прочими экологическими и гражданскими активистами, в решительное сражение, которое велось в административных органах, в судах, в газетах и на ТВ. Это было сражение за общественное мнение по поводу того, насколько дорогое строительство мы должны вести; как плотно мы должны строить; как высоко мы должны строить – до какой степени мы должны застроить, загородить, забетонировать город, в котором нам приходится жить и выживать. Мы чувствуем, что эти вопросы имеют значение и что они стоят того, чтобы собраться вместе и попытаться выработать всестороннюю и реалистичную платформу, удовлетворяющую граждан нашего города. Мы надеемся положить начало серии собраний и обсуждений, которые позволят разработать программу на первые 100 дней новой городской администрации.

Мюррей и Дейв, вероятно, видят в этом чистой воды соглашательство. Оба они, похоже, думают, что наше общество, вся наша цивилизация «насквозь прогнила» и не может быть реформирована. Но, откровенно говоря, я не считаю, что наше общество насквозь прогнило. Конечно, наше общество несправедливо. Наше общество основано на эксплуатации. Наше

общество как целое принимает неразумные решения. Составляющие его институты ещё не являются образцовыми представителями общественных интересов, и мы должны это исправить. Но мы живём в необычайно устойчивом обществе, которое медленно и неохотно поддаётся изменениям. Я не вижу за углом революции, экоанархической или какой-нибудь ещё. Поэтому я думаю, что нам лучше попытаться счастья в старомодном реформизме. С помощью него можно произвести действительные изменения здесь и сейчас.

Я помню работу, которая велась в эпоху Вьетнама против кандидата в президенты, хотевшего бомбами отбросить вьетнамцев назад в каменный век. Чтобы не допустить этого, я работала на того, кто не был готов пойти так далеко. Выбор был невелик, но это было всё, что нам предлагали на избирательной арене, где ключевые решения уже приняты, и я думаю, это имело значение. Было важно продвинуть менее опасного кандидата. Поскольку, в конце концов, те из нас, кто хотел остановить войну, прежде чем она полностью уничтожит вьетнамское общество и культуру, должны были достичь успеха в давлении на правительство, чтобы сдерживать его разрушительную силу. И мы это сделали. В самом деле, мы всё-таки остановили войну. Мы всё-таки убедили людей, занимающих влиятельные посты в нашем обществе, чтобы они обратили внимание на наши взгляды и дали благоприятный ответ. Это, я думаю, и есть ключ к политическому успеху.

Вполне можно работать в тех учреждениях, которые открыты для нас, чтобы дать делам желаемое направление. Хитрость в том, чтобы быть готовыми использовать правительственные механизмы, доступные нам, и доносить наше послание до широкой публики и людей, принимающих решения, не отчуждая себя от них. Разговоры о революции, выражения вроде «насквозь прогнило», отказ участвовать в выборах, политических партиях, медийной активности, судебных слушаниях и лоббировании – всё это представляется мне контрпродуктивным.

Позвольте мне привести более свежий и близкий пример. На одном недавнем заседании Вестсайдской комиссии, планирующей застройку по городу и штату, было объявлено, что комиссия пересмотрела свой позорный Вествейский проект, по которому следовало засыпать реку Гудзон, под землёй проложить туннель, а поверхность отдать под строительство высотных зданий, с небольшой парковой зоной в виде уступки местным защитникам окружающей среды. Глава комиссии объявил собравшимся – а в зале присутствовало по меньшей мере сто зрителей и множество журналистов, – что комиссия решила отказаться от свалки и засыпки отходов. По толпе прошёл шёпот: люди стали спрашивать друг друга, каким же чудом удалось исключить эту свалку из планов строительства, которое ведётся на западной стороне Манхэттена.

А «чудом» было то, что некоторые наши граждане не захотели сдаваться. Они с невероятной настойчивостью день и ночь боролись против этого плана, используя доступные им механизмы принятия решений: публичные слушания, прессу и суды. Вот пример того, как люди, умело использующие административный аппарат общества, смогли предотвратить недоброе дело – засыпку реки Гудзон. Итак, это удалось остановить, и мы думаем, что у нас даже есть довольно неплохие шансы на переговоры с Вестсайдской комиссией по поводу строительства скромного бульвара и великолепного парка на Гудзон-Ривер-Гринвей, который мог бы стать одним из величайших памятников дальновидности

граждан и борьбе за сохранение окружающей среды в нашем обществе.

Одним словом, я думаю, что можно защищать Землю, используя имеющиеся в нашем обществе институциональные структуры и проявляя готовность идти на компромисс в некоторых пунктах. Мы начисто отвергаем не проекты строительства вообще, а только худшие, наиболее разрушительные проявления градостроительства. Это не значит, что у нас совсем нет боевого духа. Это не значит, что мы никогда не ставим вопрос ребром. Но я думаю, нам следует исходить из того, что у нас стабильное общество, которое медленно приходит в движение, и что мы можем изменить его, только если мы очень, очень осторожно будем вырабатывать эффективные, реалистичные стратегии, имеющие некоторый шанс на успех, а не гнаться за утопическими мечтами.

Поэтому у меня такой вопрос к Дейву и Мюррею: почему вы больше не пытаетесь работать внутри системы? Почему вы так убеждены в том, что наше общество «насквозь прогнило»? Почему вы рассматриваете свои более радикальные стратегии перемен как реалистичные? Чем плоха прагматическая реформистская стратегия?

## Дейв Формен:

Как я уже не раз говорил, я думаю, что мы должны защищать Землю разными способами. Я не говорю вам заниматься только одним делом, использовать только одну тактику или подход. В каком-то смысле мне безразлично, какой способ защитить Землю вы выбираете – пишете ли вы письма в редакцию, перерабатываете газеты, собираете голоса для кандидата-энвайронменталиста, блокируете атомные электростанции с несколькими тысячами других людей или же в одиночку занимаетесь шипованием деревьев и разбираете бульдозеры в девственных лесах.

Но вот что мне действительно небезразлично: люди должны оторвать свои задницы от диванов перед телевизорами и что-нибудь сделать. Вы должны взять на себя ответственность за свою жизнь и за мир. Вы должны сделать что-то, чтобы заплатить за право обитать на этой прекрасной, зелёно-голубой, живой Земле. Если бы больше людей просто-напросто оторвали свои задницы и что-нибудь сделали, у нас были бы гораздо лучшие шансы на выживание и сохранение Земли и её многочисленных видов.

Однако я не думаю, что все приёмы и стратегии, которые мы выбираем, одинаково ценны и эффективны. Помимо отрывания наших задниц нам придётся как следует подумать и решить, какие приёмы и стратегии защитят Землю лучше всего. Определённо, у меня больше вопросов, чем ответов, на этот счёт, но некоторые вещи кажутся мне очевидными. Прежде всего, я полагаю, что умеренный и так называемый прагматический подход, так хорошо обрисованный Линдой, ограничен и часто приводит к обратным результатам.

Я был бы последним, кто скажет, что в тактике нашего движения нет места для предвыборных кампаний, судебных исков и лоббирования хороших законов. Я думаю, что такие методы могут оказаться полезными, поэтому не стоит с ходу их отбрасывать. Как я говорил ранее, я некоторое время работал в Обществе дикой природы как его координатор по лоббированию в Вашингтоне. Кроме того, я был председателем «Консервационистов за

Картера» в Нью-Мексико в 1976 г. Даже при том, что политика Джимми Картера в отношении общественных земель заставила нас создать «Земля прежде всего!», он совершил на своём посту некоторые добрые дела. Этого нельзя отрицать. Я также потратил много часов на переговоры с Лесной службой США и участие в публичных слушаниях, которые проводились с целью планирования её работы. Из всего этого опыта я, однако, вынес заключение, что эти методы сами по себе недостаточно эффективны или недостаточно практичны для защиты существующих девственных областей, находящихся сегодня в такой опасности.

По меньшей мере, вам стоит подумать о том, что движение за сохранение общественных земель должно стремиться, в качестве одной из своих важнейших целей, удерживать индустриальную «цивилизацию» на расстоянии от тех немногих уголков дикой природы, которые ещё остаются. Но, несмотря на это, мейнстримное движение стало настолько покорным прислужником господствующего индустриального строя, что оно неспособно отстаивать даже эту ограниченную цель. Вы можете видеть образчик его нынешней стратегии уже в 1956 г., когда защитники окружающей среды согласились с компромиссным Законом о водохранилище на реке Колорадо, который отменял строительство огромной плотины на Грин-Ривер и Ямпе, в районе национального памятника Динозавр, но взамен разрешал возвести её на реке Колорадо, в Глен-Каньоне. Сегодняшняя стратегия консервационистского движения – приносить в жертву обширные пространства дикой природы, чтобы защитить всё уменьшающееся ядро «неприкосновенных» девственных ареалов. Это ведёт нас в никуда.

Конечно, усилия мейнстримного консервационистского движения в электоральной политике, лоббировании и судебных баталиях замедляют вторжение в природную среду, но они не могут окончательно остановить его, не говоря уже о том, чтобы повернуть вспять. Говоря начистоту, наша представительная демократия потерпела крах. Наше правительство в первую очередь представляет больших ребят с деньгами и обстригает всё так, что движения в поддержку реформ оказываются в проигрыше. Играя только по правилам системы, вы ограничиваете себя. Вот почему реформистское консервационистское движение даже не думает, что было бы реалистично попытаться защитить все оставшиеся ареалы дикой природы в Соединённых Штатах, не говоря уже об их расширении с помощью экологической реставрации. Стремление вписаться, не казаться радикалами или экстремистами, всегда искать компромисс очевидно делает вас чертовски легко управляемым. Неудивительно, что в течение последних 15 лет мейнстримное консервационистское движение было отодвинуто в сторону из-за нерешительности его подходов и тактик.

К примеру, в начале лета 1977 г. Лесная служба США начала 18-месячную перепись и оценку всех территорий в национальных лесах, не затронутых дорожным строительством и экономическим развитием, которые по закону могут быть рассмотрены Конгрессом на предмет отнесения к охраняемым заповедникам дикой природы. В целом, тогда в национальных лесах было около 320 тысяч кв. км земель, сохранявших значительную степень естественного разнообразия и первозданности. Наряду с национальными парками и памятниками, национальными резерватами дикой природы, существующими территориями дикой природы и некоторыми землями штатов, эти бездорожные области образуют то, что

осталось от дикой природы в Соединённых Штатах. Это места, которые связывают воедино Северную Америку, которые хранят генетическую информацию жизни, которые представляют естественное здравомыслие в пучине индустриального безумия.

Теперь вам нужно вспомнить, что Лесная служба США с самого начала смотрела на национальные леса как на место для промышленной лесозаготовки, скотоводства, развития горнодобывающей и энергетической промышленности, дорожного строительства и туристических поездок. Поэтому не стоит удивляться тому, что в январе 1979 г. Лесная служба объявила следующие результаты оценки территорий дикой природы: из оставшихся 320 тысяч кв. км неосвоенных земель в национальных лесах только 60 тысяч были рекомендованы к охране от лесозаготовки, дорожного строительства и прочего «развития». В лесном штате Орегон, для примера, под охрану предлагалось взять лишь 1,5 тысячи кв. км из оставшихся 18 тысяч кв. км бездорожных, нерубленных лесных угодий. Из территорий, которые предполагалось объявить охраняемыми на национальном уровне, большинство были слишком высоко расположены, слишком засушливы, слишком холодны, слишком обрывисты, чтобы быть привлекательными в плане «ресурсов» для лесозаготовителей, горнопромышленников и скотовладельцев. Прочие бездорожные районы со старовозрастными лесами исключительной ценности были зарезервированы для лесопилки. Важные местообитания медведей гризли на севере Скалистых гор были отданы нефтяным и лесным магнатам. Фанаты внедорожников и бароны мясной индустрии отвоевали себе Юго-Запад и Большой Бассейн.

К несчастью, в ответ на это консервационистское движение не стало призывать к сохранению последних оставшихся ареалов дикой природы во всей их полноте или использовать все доступные законные методы борьбы, чтобы защитить эти районы и воспротивиться нашествию правительства и корпораций на девственные общественные земли. Вместо этого консервационисты стремились быть реалистичными и открытыми для компромисса, и в обмен на уступку большей части массивов дикой природы они стали выторговывать максимально возможное увеличение площади, которую предлагалось защитить в законодательном порядке. При таких весьма ограниченных целях, принятая ими тактика в конечном счёте принесла успех, хотя даже ради этого пришлось выдержать упорную борьбу. Но следует помнить о том, что это достижение едва ли было значительной победой для самой природы.

После этого Лесная служба нашла способ, который в будущем позволит блокировать любые типовые инициативы по расширению площади охраняемых территорий дикой природы в национальных лесах. По общему правилу, рассматриваются только те предложения по охране дикой природы в национальных лесах, которые относятся к бездорожным районам. В течение 1980-х годов Лесная служба разработала и начала осуществлять 15-летний план по устранению оставшихся бездорожных районов, развернув в национальных лесах строительство более 120 тысяч км новых дорог. Эта обширная дорожная сеть (достаточная, чтобы трижды опоясать планету) потребует от американского налогоплательщика заплатить более 3 миллиардов долларов, чтобы обеспечить лесозаготовительным корпорациям доступ к древесине стоимостью всего лишь 500 миллионов долларов. И что более важно, это строительство заметно снизит степень биологической целостности ареалов дикой природы, оставшихся в стране, и лишит их способности поддерживать

значительное разнообразие растительного и животного мира.

Такое ощущение, что парни из Лесной службы США специально сели и спросили себя: «Как сделать так, чтобы нас не донимали консервационисты с их проклятыми предложениями по дикой природе?» И кажется, их план вполне удался. Сегодня Лесная служба систематически разрушает неохранные бездорожные области своей массовой кампанией дорожного строительства. В результате этого эффективность обычного политического лоббирования и избирательных кампаний для защиты девственных мест сходит на нет, и через пять лет пила, бульдозер и буровая вышка опустошат большую часть того, что теперь сохраняет свой первозданный вид, но не охраняется никаким законом. Борьба за дику природу традиционными средствами скоро закончится сама собой. Возможно, три процента площади Соединённых Штатов будут более или менее защищены, а на остальных будет открыт сезон охоты.

По иронии, общепринятая политическая тактика, которую Линда называет нашим самым мощным, самым практичным, самым эффективным оружием, позволяющим добиться преобразований здесь и сейчас, неспособна защитить даже клочки природного ландшафта, оставшиеся у нас в этой стране, что, с моей точки зрения, является необходимым минимумом. Вот почему я считаю, что по-настоящему эффективная стратегия сохранения дикой природы должна включать солидную дозу бескомпромиссного, ненасильственного прямого действия и сопротивления. Я думаю, что электоральная политика, законодательство, все эти господствующие подходы всё ещё могут играть решающую роль, но ненасильственное прямое действие также должно быть важным средством защиты дикой природы. Я говорю: давайте будем подходить к проблеме, выискивая слабые места в системе, чтобы мы смогли бросить деревянный башмак в шестерёнки механизма, чтобы мы смогли надеть наручники на официальные учреждения и отобрать у них власть. Нам нужно проводить кампании сопротивления каждый раз и при любых обстоятельствах, когда умирающая индустриальная империя пытается вторгнуться в дику местность. Мы должны задерживать работу существующей системы, сопротивляться и мешать ей, используя все инструменты, доступные нам. Конечно, это включает в себя обращения в инстанции и судебные иски, так же как и содействие законодательству, связывающему руки корпорациям и агентствам наподобие Лесной службы США. Однако, чтобы действительно выполнить нашу работу, мы также должны будем выходить на демонстрации, участвовать в массовом ненасильственном гражданском неповиновении и откровенно, нелегально саботировать и срывать разрушительные для дикой природы проекты. Сейчас самое время женщинам и мужчинам, поодиночке, малыми группами и в больших общественных объединениях, поднимать широкое, стратегическое движение за ненасильственное сопротивление уничтожению дикой природы по всей земле.

Я верю, что подобная кампания может быть эффективной и позволит остановить вырубку леса, дорожное строительство, перевыпас, нефте- и газоразведку, разработку недр, строительство плотин, сооружение линий электропередачи, использование внедорожников, отлов животных, создание лыжных курортов и прочие формы разрушения дикой местности, так же как и злокачественное разрастание пригородов. Я верю, что такие кампании могут быть эффективными, потому что они бьют архитекторов насилия над природой туда, где сосредоточена их жизнь, – в их кошельки.

Многие проекты, посягающие на бездорожные дикие местности, являются экономически уязвимыми. Подобные предприятия могут приносить реальный доход, но они очень чувствительны к непредвиденным издержкам. Для Лесной службы, лесозаготовительных, нефтяных, горнодобывающих и прочих компаний весьма затратно выскребать «ресурсы» из этих последних девственных областей. Стратегия широкого сопротивления может сделать это ещё более затратным, возможно, даже неприемлемо дорогим занятием. Растущая стоимость ремонта техники, перебои, задержки, простои, вызванные проводимыми на местах акциями экологического сопротивления, а также утрата поддержки со стороны общества и рост числа потребительских бойкотов, забастовок и других форм общественного сопротивления – всё это могло бы защитить десятки и сотни тысяч квадратных километров дикой природы гораздо эффективнее, чем любой закон, принятый Конгрессом.

Такие «крайние» и «бескомпромиссные» действия не являются бессмысленно «утопичными». Они стратегически оправданны. Они прагматичны. Действительно, такая тактика требует большей личной вовлечённости и риска, чем работа по обычным каналам. Требуется мужество, чтобы встать между машиной и дикой местностью, чтобы стоять перед цепной пилой, или бульдозером, или агентами ФБР. Нужно, чтобы больше нас вставало на пути у обезумевшей машины, как это сделала Валери Уэйд, забравшаяся на 24-метровую высоту на старую дугласову пихту, чтобы защитить её от срубания, или Хауи Уолк, вытаскивавший пикеты вдоль предполагаемого маршрута газоразведки в основном месте обитания вапёти.

Конечно, оба этих активиста «Земля прежде всего!» подвергли свои жизни опасности, и оба они попали в тюрьму. Но всё-таки они напомнили мне известную историю о Генри Дэвиде Торо, которого отправили в тюрьму за отказ платить подушный налог в знак протеста против войны США с Мексикой. Когда Ральф Уолдо Эмерсон приехал, чтобы вызволить Торо, он позвал его в окно и спросил: «Генри, что ты делаешь там внутри?» Торо спокойно ответил: «Ральф, а что ты делаешь там снаружи?» Нам в нашем сегодняшнем движении необходимо такое же мужество и присутствие духа.

Типовые методы борьбы за реформы, определённо, более безопасны и, в некотором смысле, более выгодны. Действуя по обычным каналам, вы, как правило, можете избежать серьёзных политических репрессий. Вас чаще признают, чем попрекают. Однако результатом этого признания становится угасание силы движения. Я подозреваю, что это заложено в человеческой природе – хотеть быть принятыми той социальной средой, в которой вы оказываетесь. Это действительно больно, когда официальные арбитры общественного мнения клеймят вас как «сумасшедших», «террористов», «чудаков» или «экстремистов». Я думаю, что желание быть «умеренными» и «прагматичными» по большей части вырастает из объяснимого стремления завоевать доверие и признание у масс-медиа и политических и экономических лидеров, в настоящее время направляющих наше общество.

Американская политическая система весьма эффективно усмиряет и ассимилирует диссидентов, уделяя им внимание и затем побуждая их быть «разумными», чтобы их идеи воспринимались «более серьёзно». Появление в вечерних новостях, дача показаний на слушаниях в Конгрессе или получение работы в каком-нибудь правительственном агентстве – вот лишь некоторые из методов, используемых элитой, чтобы убедить человека принять

ключевые положения господствующей картины мира и пойти в комнату переговоров договариваться с безумцами, уничтожающими всё чистое и прекрасное. Взгляните на бо́льшую часть мейнстримного консервационистского движения сегодня. Политическое видение большинства этих реформаторов включает в себя, как минимум, мировое население численностью 10–12 миллиардов человек, национальные государства, транснациональные корпорации, личные автомобили и людей в деловых костюмах на каждом континенте. С такими ограниченными взглядами нельзя вызвать или направлять движение за создание проникнутого любовью к природе и эгалитарного общества.

В самом деле, при таком ограниченном подходе у нас незавидное будущее, если оно вообще есть. Современное общество – это прокачанный автомобиль без водителя и без тормозов, который со скоростью 140 км/ч мчится по переулку с кирпичной стеной в конце. Мы отнюдь не живём в устойчивом обществе. Мы живём в самом непостоянном обществе из когда-либо существовавших на этой планете. И я думаю, что всё это дерьмо свалится на наши головы ещё при моей жизни; что алчность, неистовство, желание господствовать над природой и людьми – всё это безумие скоро достигнет своего пика. Я думаю, что в не таком уж далёком будущем произойдут ужасные вещи, после которых нынешний социальный и экологический кризис покажется старыми добрыми деньками. Добиваться одних только «реалистичных» реформ, использовать одни лишь типовые методы социальных преобразований – в данный момент это означает фактически отказаться от борьбы. Реформы, которые реалистичны при текущем распределении институциональной власти, просто не могут вытащить нас отсюда и привести туда, куда нам нужно.

«Земля прежде всего!» во многих отношениях представляет собой фундаменталистское возрождение внутри движения за сохранение дикой природы, возврат к основам и реакцию на реформистское приспособленчество и компромиссы. В течение последних нескольких десятилетий, по мере того как консервационистское движение получало признание, знаменитая теперь «этика земли» Олдо Леопольда уступала в нём место «политическому прагматизму». Это драматическим образом ограничило политический кругозор движения. Теперь оно рассматривает вопрос сохранения дикой природы и видового разнообразия как чисто практическую задачу – находить баланс между интересами конкурирующих групп и достигать компромисса между крупным капиталом и энтузиастами общественной рекреации. «Земля прежде всего!» настаивает на том, что сохранение дикой природы – это вопрос этики, вопрос морали. Его нельзя просто свести к принятому в политике понятию интересов или даже к более гуманной заботе об устойчивом развитии человечества.

Как неоднократно говорил Эд Эбби, люди имеют право быть здесь, но не повсюду, не все сразу и не все в одном месте. Человеческое общество перешло границы; мы разрушаем сами жизненные процессы. Дикая природа – это больше чем мелкие невзрачные парки для турпоходов в местах, имеющих низкий потенциал «развития» или вовсе его лишённых. Дикая природа – это сцена естественной эволюции, и её ареалы должны быть достаточно велики, чтобы природные силы могли действовать свободно. В каждом биорегионе должны быть обширные области, где запрещено проживание людей и экономическая деятельность. Эти области нужно просто оставить в покое, чтобы позволить важной работе стихийной естественной эволюции идти своим ходом.



Это – бесспорно радикальный подход, и он ставит под сомнение многие из положений, на которых основано наше общество. И всё же любая разумная политика, учитывая степень разрушения дикой природы в настоящее время, требует больше чем простого сдерживания «цивилизации» на границах существующих охраняемых территорий. Наша задача как защитников планеты – потребовать назад значительную часть покрытой сейчас асфальтом земли, истощённых полей, вырубленных лесов и умолкнувших гор. Одним из главных требований в платформе каждой экологической группы должна быть охрана или создание крупных системообразующих заповедников дикой природы в каждом регионе. Следует также сформировать и взять под защиту сеть дополнительных заповедников, больших и малых, а также природные коридоры, которые обеспечат свободную циркуляцию генетического материала между ними и заповедниками в других биорегионах.

Конечно, нам потребуется управление и вмешательство человека, чтобы помочь природе вернуть достаточно большую площадь в каждом регионе, по крайней мере 4 тысячи кв. км, в первозданное состояние. Если определённые местные виды были истреблены, их популяцию необходимо возродить. Если это возможно, гризли, волк, пума, ягуар, бизон, вапити, лось, выдра, россомаха – все они должны вновь поселиться на наших общественных землях. Если нужно наполнить лососем реки, восстановить вырубленные леса, разрастить прерии и убрать дороги – тогда это становится одной из ключевых задач экологической реставрации.

Это – по-настоящему революционный экологический подход. Действительно эффективное движение, созданное в ответ на экологический кризис, потребует от нас проводить широкие кампании ненасильственного сопротивления, включая стратегический саботаж, чтобы защитить от разрушения столько дикой местности, сколько возможно. Оно также потребует от нас этической концепции Большого природного пространства, бросающей вызов правительству, корпорациям и народу в целом<sup>68</sup>. Но, откровенно говоря, даже этого недостаточно. Радикальное экологическое движение также должно проделать важную работу по организации нового экологического общества, которое появится из пепла старой индустриальной империи.

Порой эта работа на первый взгляд может даже не показаться радикальной или революционной, но она является таковой. Я говорю, например, о людях, которые разрабатывают дешёвые и простые низкотехнологичные приспособления, вроде солнечной печи, и тем самым делают благое дело для планеты. Эти люди спасают деревья в третьем мире, снижая спрос на дрова в качестве топлива. Я считаю, их работа глубоко революционна, потому что она напоминает нам, что больше – не обязательно лучше, что мы не нуждаемся в масштабных технологических решениях от корпораций или правительства и что люди могут решить некоторые из своих проблем самостоятельно. Мы многим обязаны движению за развитие альтернативной технологии, которое много лет экспериментировало с биотуалетами, органическим садоводством, кустарными изделиями, переработкой, солнечными коллекторами, ветрогенераторами и солнечными печами.

И всё же эти люди, как и я, являются лишь одним из кусочков пазла. Если высокотехнологичные решения не смогут добраться до корня проблемы, низкотехнологичные решения тоже не будут работать.

Мы также должны бросить прямой вызов существующим общественным институтам в политической и экономической сфере. В частности, мы должны быть уверенными, что так называемые развитые страны перестанут рассматривать население и территорию третьего мира как обычные ресурсы для эксплуатации.

Мы в Соединённых Штатах бесспорно ответственны за то, чтобы оказать сопротивление транснациональным корпорациям и правительствам первого мира, которые принуждают общества третьего мира заниматься выращиванием экспортных культур для потребления в первом мире вместо разведения продовольственных культур для их собственных народов. Это не только вопрос элементарной социальной справедливости, это ключевое требование для преодоления глобального экологического кризиса. Плантаторство, монокультура, экспортное сельскохозяйственное производство наносят гораздо больший ущерб природе, чем небольшие, комплексные хозяйства, ориентированные на местное и региональное потребление. Это лишь один пример той фундаментальной реорганизации жизни, которую мы должны провести на обитаемой нами части планеты.

Наряду с возникновением «Земля прежде всего!», я полагаю, самым воодушевляющим достижением последнего времени в Северной Америке стало биорегиональное движение. Биорегионализм по преимуществу рассматривает вопрос, как обеспечить проживание людей на земле на началах децентрализации, эгалитарности и экологичности. Этот концепт очень далёк от того образа жизни, который сейчас почти повсеместно принят в пригородах, в городах и на фермах на этом континенте. Подход биорегионалистов к проблеме проживания подчёркивает необходимость творчески приспособить человеческие сообщества к тому природному региону, в котором они обитают, вместо того чтобы односторонне приспособлять местность к эксплуатирующему человеческому обществу. Это значит вежливо и сознательно занять своё место в пищевой цепочке, в круговороте воды, в естественной среде отдельно взятого природного региона, вместо того чтобы насаждать в каждой области сосредоточенный исключительно на человеке, универсальный индустриальный порядок.

Итак, пока я упорно работаю, чтобы не позволить бесчинствующим штурмовым отрядам умирающего индустриального мира уничтожить всё прекрасное на этой земле, я, к моей радости, вижу, что среди зелёных, в биорегиональном движении, в проектах вроде программы «Зелёный город» в Сан-Франциско есть люди, подобные Мюррею, и они пытаются создать новое общество, которое придёт нам на смену. Это их работа. Я пытаюсь, насколько это возможно, защищать от доллара, от уничтожения доживающим свои последние дни индустриальным обществом. Думаю, Мюррей и другие, в свою очередь, разрабатывают концепции и рассматривают практические аспекты устойчивого экологического общества, которое может возникнуть после падения индустриализма.

В заключение позвольте мне лишь сказать, что я во многом согласен с Мюрреем насчёт того, что это общество насквозь прогнило. Я думаю, оно настолько деструктивно в своей основе, что его в конечном счёте невозможно реформировать любым традиционным способом. Я просто не могу прийти к тому, чего мне хочется, через тот стратегический подход, который был очерчен Линдой. В самом деле, он может не продвинуть нас достаточно далеко, даже чтобы обеспечить продолжительное существование большинства видов этой планеты,

включая человечество. Настоящий радикальный подход и стратегия тоже могут не добиться успеха, но я убеждён, что это – лучшее средство, которое у нас есть.

## Мюррей Букчин:

Мы с Дейвом не могли бы быть более единомышленными. Без сомнения, между нами ещё остаются значительные различия. Но, насколько это относится к затронутым вопросам подхода и стратегии, мы, кажется, достигли примечательного согласия.

Для начала, я разделяю мнение Дейва о безотлагательности решения. Капиталистическое общество, как в западной, корпоративной, так и в восточной, бюрократической форме, в основе своей деструктивно. Разрушительная сила этого общества достигла масштабов, не имеющих прецедентов в истории человечества, – и эта сила используется, почти систематически, чтобы привести в расстройство весь живой мир и его материальные основы. Почти в каждом регионе воздух отравляется, водные потоки загрязняются, почва вымывается, земли иссушаются, а дикая природа уничтожается. Прибрежные воды и даже морские глубины беззащитны перед распространяющимся загрязнением. И, что более значимо в долгосрочной перспективе, базовым биологическим циклам, таким как цикл углерода и цикл азота, от которых зависит продолжение и воспроизведение жизни всех существ, наносится ущерб, который приближается к необратимому. Увеличение числа ядерных реакторов в Соединённых Штатах и во всём мире – к 2000 г. их будет около тысячи, если власть имущие исполнят свой замысел, – подвергло бесчисленные миллионы людей и других живых существ воздействию наиболее сильных из известных нам канцерогенных и мутагенных агентов. Некоторые из этих угроз, такие как радиоактивные отходы, могут преследовать нас сотни тысяч лет.

К радиоактивным отходам мы также должны добавить стойкие пестициды, оседание свинца и тысячи токсичных или потенциально токсичных химикатов в пищу, воде и воздухе; разрастание городов в обширные урбанистические зоны с невероятной концентрацией населения, сравнимого по численности с целыми нациями; возрастающий уровень фоновых шумов; стрессы, вызванные скученностью, условиями массового проживания и манипулированием общественным мнением; громадные скопления мусора, отвалов, сточных вод и промышленных отходов; заторы на автотрассах и городских улицах, открытых для движения транспорта; безрассудное расходование невозобновляемых ресурсов; расхищение земли спекулянтами-риелторами, горными и лесными магнатами и бюрократами дорожного строительства. Смертельные оскорбления, нанесённые нами биосфере, на протяжении всего лишь одного поколения вылились в разрушение такой степени, что оно превысило ущерб, причинённый людьми за тысячи лет обитания на этой планете. Если принять во внимание этот темп разрушения, становится просто страшно подумать о том, с чем придётся столкнуться следующим поколениям.

Перед лицом такого кризиса борьба за изменения становится неизбежной. Обычные люди во всём мире становятся активными участниками кампаний против атомных электростанций и оружия, за сохранение чистого воздуха и воды, за ограничение использования пестицидов и пищевых добавок, за уменьшение транспортных потоков на улицах и автотрассах, за то, чтобы сделать города в целом более здоровыми, чтобы предотвратить попадание

радиоактивных отходов в окружающую среду, чтобы защитить и расширить ареалы дикой природы, чтобы уберечь животных от истребления человеком. Единственный важнейший вопрос, стоящий сегодня перед экологическим движением, в том, будут ли эти инициативы ассимилированы и заключены в установленные рамки «разумного» инакомыслия и реформизма или же они вырастут в мощное движение, которое сможет произвести фундаментальные, подлинно революционные изменения в нашем обществе и в нашем восприятии мира.

Я давно настаиваю на том, что мы вводим себя в заблуждение, если верим, что мир, обращённый к жизни, может быть полностью построен или хотя бы частично достигнут в обществе, всецело обращённом к смерти. Общество США, как оно строится сегодня, насквозь пронизано патриархатом и расизмом, и оно сидит верхом на целом мире, являясь не только потребителем его богатств и ресурсов, но и препятствием для всех попыток самоопределения у нас и за границей. Его отличительные черты – производство ради производства, сохранение иерархии и тяжёлого труда в мировом масштабе, манипулирование массами и контроль со стороны централизованных государственных институтов. Общество такого рода неизбежно противопоставляет себя жизнеутверждающему миру. Если экологическое движение, в конце концов, не направит свои главные усилия к революции во всех областях жизни – общественной и природной, политической и личной, экономической и культурной, – то оно постепенно опустится до роли предохранительного клапана установленного порядка.

Типовые реформаторские инициативы в лучшем случае могут лишь замедлить ошеломительный натиск разрушительной силы в нашем обществе, но они не могут его остановить. В худшем же случае они убаюкивают людей, внушая им ложное чувство безопасности. Установленный у нас общественный строй заигрывает с нами, чтобы укрепить эту пассивность. Он преподносит нам запоздалые, частичные и удручающе неадекватные реформы, чтобы отвлечь нашу энергию и внимание от более значительных актов разрушения. Подобные меры лишь скрывают от нас прогнившую сердцевину яблока, как привлекательная и обнадёживающая искусственно окрашенная в красный цвет кожаца.

Однако, в конце концов, ключевой недостаток «прагматичной» политической стратегии торга, компромиссов и выбора меньших зол даже не в том, что она не может привести нас туда, куда мы стремимся. Другое, ещё более зловещее следствие этой стратегии – она готовит нас к тому, чтобы мы шли туда, куда нам не хочется идти.

Этот «прагматичный» подход имел смертельные последствия в ходе новейшей истории. Фашизм смог пробиться к власти в Германии отчасти потому, что радикальное рабочее движение умерило свою революционную политику и стремилось быть «эффективным», отдавая свой голос в пользу кандидатов, олицетворявших меньшее зло. Тем самым движение отказывалось от собственной инициативы и лидерства. Такой «реалистичный» подход, казавшийся в то время таким практичным, заставлял немецких рабочих делать выбор сначала между умеренными левыми и либеральным центром, затем между либеральным центром и авторитарными правыми и, наконец, между авторитарными правыми и тоталитарным фашизмом. Мало того что эта сделка с совестью становилась почти неизбежной на парламентском уровне; жестокая диалектика политического

вырождения и морального разложения затрагивала и само немецкое рабочее движение. То, что когда-то боевой и хорошо организованный германский рабочий класс допустил этот политический дрейф от одного меньшего зла к другому без какого-либо акта прямого сопротивления, – это, возможно, самое мрачное событие в его истории.

Движения за охрану окружающей среды поступили немногим лучше, когда возложили свои надежды на политику государства и стратегию меньшего зла. Даже при том что европейские энвайронменталисты вошли в национальные парламенты, стремясь получить доступ к государственной власти как партия зелёных, они по большей части не добились ничего, кроме внимания публики, прикованного к их своекорыстным парламентским представителям, и очень мало сделали для того, чтобы остановить разрушение среды. По красноречивому описанию Дейва, действующие из лучших побуждений энвайронменталисты, придерживаясь такой стратегии, променяли целые леса на символические заповедные рощицы. Необъятные пространства дикой природы отдали ради защиты сравнительно небольших национальных парков. Протяжённые отрезки прибрежных заболоченных земель уступили за пару гектаров девственных пляжей. Таков неизбежный результат «работы внутри системы», когда эта система фундаментально антиэкологична, элитарна и обращена против вас.

Коалиция немецких «Зелёных» с социал-демократическим правительством в Гессене, к примеру, бесславно закончилась в середине 1980-х. «Реалистическое крыло» немецкой партии «Зелёные» не только осквернило своими компромиссами лучшие принципы движения, оно также сделало саму партию более бюрократичной, управляемой и «профессиональной». Результат? Когда-то опирающееся на низовую инициативу, радикальное зелёное движение изменилось коренным образом, а государство, на которое оно стремилось повлиять, – нисколько. Немецкие «Зелёные» сегодня кажутся очень далёкими от своего прежнего обещания представить действительно новую экологическую политику.

Позвольте мне, однако, прояснить: противопоставляя реформистский энвайронментализм возможности по-настоящему радикального экологического движения, я не хочу сказать, что сейчас нам не следует выступать против строительства атомных электростанций и автодорог, а нужно усесться поудобнее и терпеливо ждать, когда наступит тысячелетнее царство экологии. Напротив, пока мы идём к переменам, мы должны всё время крепко держаться за имеющуюся почву. Мы должны пытаться спасти то, что у нас ещё осталось, чтобы мы, по крайней мере, могли пересоздать общество с наименее загрязнённой и наименее испорченной средой, какая только возможна. Но чтобы добиться успеха, мы должны покончить с шаблонным реформизмом и энергично принять гораздо более мощную стратегию ненасильственного сопротивления и прямого действия. Кроме того, нам нужно отказаться от идеи навести порядок в существующих институтах, общественных отношениях, технологиях и ценностях и начать менять их с самого основания. Это не означает, что мы не организуемся вокруг программы-минимум с чёткими неотложными задачами или даже что мы никогда не участвуем в выборах местных органов. Я приводил доводы в пользу таких мер в своих книгах и статьях о либертарном муниципализме<sup>69</sup>. На самом деле это означает, что неотложные цели, которые мы преследуем, и средства, которые мы используем для их достижения, должны ориентировать нас на радикальные

фундаментальные преобразования, а не на ассимиляцию и сдерживание в рамках существующей, безнадежно деструктивной системы.

Я убежден, что мы окажемся не в состоянии сохранить свою политическую позицию и избежать поглощения, если мы не разработаем смелую и бескомпромиссную программу подлинно экологического будущего. Высшая форма реализма сегодня может быть достигнута, только если мы вырвемся за пределы данного порядка вещей и найдём конструктивную программу того, что должно быть. Недостаточно просто рассуждать о том, что может быть при обычных условиях, установленных институтами сегодняшних хищнических обществ. Таким путём мы не получим программу, которая была бы желательной или хотя бы достаточной. Мы не можем позволить себе довольствоваться изначально половинчатой программой. Наши решения должны соответствовать масштабам проблемы. Мы должны собрать всю храбрость, чтобы принять радикальную концепцию, которая на первый взгляд покажется «утопической» нашему запуганному и покладистому политическому воображению.

Сегодня мы имеем великолепный набор новых идей, планов, технологических проектов и рабочих данных, которые могут дать нам живую картину необходимых контуров устойчивого и экологического общества. Дейв нарисовал половину этой картины, изложив свой взгляд на восстановление обширных территорий дикой природы по всему континенту. Но что насчёт тех территорий, которые всё ещё будут населены людьми? Как можно экологически организовать их? Конечно, они не могут оставаться во власти расползающихся городских зон, массовой индустриализации и гигантских корпоративных ферм, работающих как продовольственные фабрики. Такие институциональные модели не только ведут к разрушительным социальным конфликтам, индивидуальной безликости и централизованной власти; они также взваливают непосильное бремя на местные водные ресурсы, воздух, которым мы дышим, и все природные объекты в тех областях, которые они занимают.

Одной из наших главных целей должна быть радикальная децентрализация наших индустриальных городских районов и создание соразмерных человеку больших и малых городов, которые будут искусно спроектированы в соответствии с допустимой нагрузкой на экосистему, в которой они располагаются. Нам нужно преобразовать нынешнюю модель плотно населённых ползучих урбанистических зон в федерации гораздо меньших городов и посёлков, окружённых небольшими фермами, которые практикуют диверсифицированное, органическое сельское хозяйство для местного потребления и связаны между собой лесополосами, пастбищами и лугами. В неровной, холмистой или гористой местности на земле, имеющей сильный уклон, следует оставлять лесной покров, чтобы предотвратить эрозию, сохранить воду и поддержать дикую жизнь. Кроме того, в каждом городе должно быть много огородов и садов, озеленённых беседок, парков, а также водных потоков и прудов, которые дают приют рыбе и водоплавающим птицам. Таким образом, сельская местность не только составляла бы ближайшее окружение города, но и непосредственно проникала бы в него. Сравнительно недалеко от них могли бы находиться обширные девственные ареалы, которые благополучно сосуществовали бы с человеческими поселениями и заботливо «управлялись» для увеличения и сохранения их эволюционной целостности, разнообразия и устойчивости.

Разукрупнив наши поселения, мы заодно получили бы возможность избавить современное общество от пагубного пристрастия к ископаемому топливу и ядерной энергии. Одна из основных причин, которые делают гигантские города и промышленные производства неспособными к устойчивому развитию, – это свойственная им зависимость от огромных объёмов опасных и невозобновляемых энергетических ресурсов. Чтобы поддерживать большой, плотно населённый город, требуется колоссальное количество угля, нефти или ядерной энергии. Вероятнее всего, безопасные и возобновляемые источники энергии, такие как ветер, вода и солнечный свет, никогда не смогут полностью удовлетворить потребности огромных урбанистических зон, даже если будет введено тщательное энергосбережение, ограничено использование автомобилей и свёрнуто не обусловленное общественными нуждами производство. В отличие от угля, нефти и ядерной энергии, энергия солнца, ветра и других альтернативных источников поступает к нам, так сказать, маленькими «порциями». И всё же, хотя солнечные батареи, ветряные турбины и гидроэнергетика, по-видимому, не могут дать достаточно электричества, чтобы осветить сегодняшний Манхэттен, такие источники, органично соединённые в энергетическую сеть, которая будет рассчитана на потенциал конкретного региона, вполне могли бы удовлетворить потребности небольших, децентрализованных городских поселений.

Подобно сельскому хозяйству, промышленное производство также должно быть децентрализовано, а его технология – радикальным образом перестроена, чтобы творчески задействовать местные ресурсы в небольших, комплексных производствах, которые позволят облегчить труд, использовать вторичное сырьё и устранить загрязнение и токсичные отходы. Благодаря этому возникло бы относительно автономное сообщество, которое очевидным образом зависело бы от своего природного окружения в смысле получения средств к жизни и потому, вероятно, с большим уважением относилось бы к органическим взаимосвязям, поддерживающим его. В долгосрочной перспективе, попытка достичь экономической самостоятельности на местном или, по крайней мере, региональном уровне была бы более эффективной, чем расточительное и неокOLONIAльное глобальное разделение труда, которое преобладает сегодня. Хотя в таком случае, без сомнения, многие мелкие производства и кустарные промыслы дублировались бы от одного сообщества к другому, близость каждой группы к её местной среде и её экологическим корням сделала бы использование ресурсов более разумным и бережным.

Такой подход на первый взгляд представляется довольно радикальным. Но я всё-таки должен подчеркнуть, что эти призывы к децентрализации и «альтернативным» технологиям сами по себе недостаточны для того, чтобы создать гуманное, экологическое общество. Мы не должны вводить себя в заблуждение, веря, что простые изменения в демографии, логистике, дизайне или масштабе автоматически приводят к реальным изменениям в общественной жизни или сознании. Децентрализация и проработанная альтернативная технология, конечно же, могут нам помочь. Децентрализованные сообщества и экотехнологии наподобие тех, что я описал здесь, могли бы помочь открыть новую эру прямой демократии, обеспечив нам свободное время и прозрачность социального устройства, которые позволили бы обычным людям управлять общественными делами без посредничества правящего класса, раздутой бюрократии и элиты профессиональных политических функционеров. Однако подлинный экологический подход в конечном итоге должен прямо ответить на такие болезненные вопросы, как «кто чем владеет?» и «кто чем

управляет?». И ответы, которые мы даём на эти вопросы, в значительной степени определяют наше будущее.

Я бы сказал, что лучшей формой правления в экологическом обществе было бы прямое демократическое самоуправление; что лучшей формой собственности на предприятия и ресурсы была бы не корпоративная и не государственная, а общественная на муниципальном уровне; и что лучшей формой управления экономикой было бы коммунальное самоуправление. При таком подходе общая политика и частные решения, касающиеся общественной жизни, сельского хозяйства и промышленного производства, могли бы, при любой имеющейся возможности, вырабатываться активными гражданами, лично участвующими в собраниях. В числе многих выгод подобного демократического, самоорганизующегося сообщества – тот факт, что оно помогло бы воспитать в людях неиерархическое, свободное мышление, что в конечном счёте повлияло бы и на отношение человеческого общества к окружающему природному миру.

Безусловно, движение от сегодняшнего капиталистического общества – в основе которого лежат безграничные индустриальные и городские пространства, высоко химизированный агробизнес, шаткая экономика вооружений, централизованная и бюрократическая власть, массовое загрязнение и эксплуатация рабочей силы – к экологическому обществу, которое я здесь лишь начал описывать, потребует сложной и многосторонней стратегии перехода. У меня нет готовых формул такой революции. Но некоторые вещи, как бы то ни было, кажутся очевидными. Должна быть выработана новая политика, которая сумеет избежать ловушек ассимиляции внутри системы, разрушающей социальную и экологическую жизнь. Мы нуждаемся в таком общественном движении, которое сможет эффективно сопротивляться национальному государству и корпоративному капитализму и в конечном счёте заменить их; а не в таком, которое ограничивает свои виды «улучшением» существующей системы.

Прямое ненасильственное сопротивление, очевидно, является важным элементом этой новой политики. Достойная изумления гениальность антиядерных объединений 1970-х была в том, что они интуитивно почувствовали потребность порвать с «системой» и сформировать сильную независимую оппозицию. И, конечно, они в значительной степени приняли стратегию прямого действия, поскольку более ранние попытки остановить атомные электростанции, работая в пределах системы, потерпели неудачу. Бесконечные, тянувшиеся месяцами и годами судебные разбирательства, слушания, принятие постановлений в местных органах власти, кампании по подаче петиций и написанию писем конгрессменам – все они, по существу, оказались не в состоянии остановить строительство новых атомных электростанций. Однако я полагаю, что ещё более важная черта прямого действия в том, что оно позволяет сделать решительный шаг к восстановлению личной власти над общественной жизнью, которая была отобрана у людей централизованной, властной бюрократией. Этот опыт служит мостом, который ведёт к возможному будущему обществу, основанному на прямой низовой демократии.

Точно так же ключевым элементом новой радикальной политики является организация сообщества, особенно те формы взаимодействия, при которых люди встречаются лицом к лицу, определяют свои общие проблемы и решают их посредством взаимопомощи и добровольной общественной работы. Такая организация способствует общественной



солидарности, придаёт сообществам уверенность в своих силах и поощряет личную инициативу. Общественные сады, квартальные клубы благоустройства, земельные трасты, жилищные кооперативы, детские сады под присмотром родителей, сети бартерного обмена, альтернативные школы, потребительские и производственные кооперативы, самодеятельные театры, исследовательские группы, местные газеты, открытые для публики телестудии – все они могут удовлетворить насущные и обычно игнорируемые нужды сообщества. Но они, в большей или меньшей степени, также могут служить школами демократического гражданства. Благодаря участию в таких объединениях мы можем стать более социально ответственными и более квалифицированными в демократическом обсуждении и решении важных общественных вопросов.

Однако – и это может шокировать большую часть традиционных анархистов – я также считаю, что нам нужно изучить возможности низовой электоральной политики. Хотя нельзя отрицать, что участие в избирательных процессах в большинстве случаев лишь служит легитимизации национального государства, с неизменными для него бюрократией и ограниченной ролью граждан, я думаю, что для низовых активистов всё-таки важно и возможно вмешаться в местную политику и создать местные структуры нового типа, такие как избирательские инициативы, городские собрания и районные советы, которые со временем всё более будут осуществлять прямой демократический контроль над муниципальным управлением.

Успех подобного либертарного муниципалистского движения будет зависеть от его способности постепенно демократизировать одно местное сообщество за другим и устанавливать конфедеративные региональные отношения между ними. Нам понадобится такой географический, политический и экономический базис, если мы собираемся когда-нибудь всерьёз бросить вызов национальному государству и транснациональным корпорациям. Мы должны будем создать такое двоевластие, чтобы вырвать важные и безотлагательные дела из рук существующей системы и в конце концов вытеснить её. Я не вижу другой реалистичной альтернативы, которая позволила бы создать действительно экологическое общество.

Такая революция, по всей очевидности, не совершится в одночасье в ходе широкого, стихийного и насильственного выступления. Новая политика, которую я отстаиваю, формируется как бы на клеточном уровне, в процессе органического роста и дифференциации, который напоминает развитие зародыша в утробе. Хотя экологическая революция потребует открытых столкновений, как сейчас, так и в будущем, она одновременно будет требовать терпеливой, долгосрочной местной общественной организации и творческой низовой политической работы.

Эта стратегия и есть то, что я подразумеваю под зелёной политикой. Цель здесь не в том, чтобы просто «представлять» набирающее силу движение граждан, становясь во главе существующего вертикального политического аппарата в муниципалитетах, не говоря уже обо всём государстве. Цель в том, чтобы ввести или возродить городские собрания, районные собрания или даже районные советы, которые будут объединять активных граждан как основу демократического контроля на местах. Радикально-экологические кандидаты должны идти на местные выборы с платформой, которая предусматривает

введение таких гражданских ассамблей и формальную реорганизацию городской структуры управления на принципах политического участия, обсуждения общественных дел на личных встречах и полной подотчётности граждан, которые избраны делегатами в вышестоящие, конфедеральные советы или заняты чисто административной работой.

Эти районные собрания могут быть организованы даже раньше, чем их признают в законодательном порядке. Более того, неофициальные гражданские ассамблеи могут сформировать «теневой» или «параллельный» городской совет, состоящий из выборных и ответственных делегатов от каждого районного собрания. Такие теневые городские советы, хотя они юридически и не имели бы полномочий на этапе своего становления, могли бы оказывать весьма значительное моральное влияние на официальные городские советы и в конце концов получить в свои руки всё увеличивающуюся формальную власть. Они могли бы отслеживать повестки заседаний и мероприятия официальных городских советов в мельчайших деталях, предлагать необходимые нововведения и противостоять любым законодательным мерам, которые они сочли бы несовместимыми с интересами общества, таким образом делая общественность всё более эффективной политической силой.

По мере того как будет институционализироваться прямая политическая демократия, можно будет также делать на разных уровнях постепенные шаги к муниципализации экономики. Не посягая на права собственности мелких розничных магазинов, сервисных фирм, кустарных мастерских, небольших ферм, местных заводов и домовладельцев, этот муниципалитет нового типа мог бы начать скупать более крупные предприятия, в особенности те, которые близки к закрытию и могли бы управляться своими собственными рабочими более эффективно, чем ориентирующимися на прибыль предпринимателями или корпорациями. Важное место в проведении экономической программы муниципалитета могла бы занимать организация земельных трастов, которые не только предоставляли бы качественное общественное жильё, но и способствовали бы развитию мелкого кустарного производства. Кооперативы, общественные сады и огороды и фермерские рынки могли бы создаваться на муниципальные субсидии и находиться под общественным контролем – политика, которая завоевала бы потребителя гораздо лучше, чем можно было бы ожидать от ориентированных на прибыль корпоративных предприятий.

Такой политический и экономический контекст мог бы дать прекрасное начало экологической реставрации муниципалитета и прилегающей местности. Можно было бы расширить и восстановить общественные земли. Можно было бы поддержать фермеров, чтобы они осуществили переход к комплексному, органическому сельскому хозяйству, удовлетворяющему местные и региональные нужды. Можно было бы постепенно ограничивать производство на корпоративных фермах. Можно было бы начать программы, облегчающие заселение и освоение сельской местности заинтересованными городскими жителями, которые готовы положить начало новым сообществам. Можно было бы обеспечить бесплатные или дешёвые методы контроля рождаемости. Можно было бы ввести принудительную переработку отходов. Местные хозяйственные и жилищные кодексы могли бы поощрять существенное энергосбережение и переход на безопасные и возобновляемые источники энергии. Можно было бы начать внедрение экологически безопасных технологий производства.

Наконец, мы не можем надеяться реализовать этот подход в отдельно взятом районе или городе. Нам потребуется конфедеративное общество, основанное на координации всех муниципалитетов в системе управления, организованной снизу вверх, в отличие от выстроенного сверху вниз правительства в национальном государстве. На уровне округа или же на региональной основе, наши новые муниципалитеты должны быть объединены конфедеральными советами, и каждый из них должен состоять из всенародно избранных депутатов, которые в любой момент могут быть отозваны тем сообществом, которое они представляют. Эти конфедеральные органы должны быть строго административными; они не будут принимать никаких политических решений, а будут просто координировать и исполнять решения, принятые муниципальными гражданскими органами, избравшими их.

Конфедерацию, которая имеет долгую, хотя и почти забытую историю, не следует смешивать с государством, которое всегда конфликтовало с конфедеративными образованиями, ссылаясь на «эффективность» и, ещё более типичный вариант, на «сложность» нашего «современного» общества. Эти претензии – на самом деле обыкновенные газетные бредни. Но действительно беспокоит меня сегодня то, что очень многие радикалы принимают на веру бессмыслицу о «сложностях» современного общества и редко признают, что когда города насчитывают восемь, десять или двенадцать миллионов жителей – это уже даже не «города», а бесформенные и беспомощные урбанистические пузыри, которым настоятельно необходима децентрализация, как территориальная, так и институциональная.

Конечно, все эти идеи о леволибертарной муниципальной стратегии намечают лишь приблизительные контуры минимальной программы по достижению социальной и экологической гармонии. Однако этот стратегический подход помог бы нам решить многие насущные проблемы и указал бы нам направление более фундаментальных общественных изменений. Начав строительство народного двоевластия, мы на её основе могли бы бросить вызов корпорациям и национальному государству. Каждый из элементов этой программы – минимум способен сплотить вокруг себя успешные общественные альянсы, поскольку она исходит из общего человеческого интереса, превышающего реальные, но узкие интересы класса, нации, этноса и гендера. Такая по-настоящему народная программа может быть выражена в формулах, которые способны объединить большинство людей: мужчин и женщин, людей разных цветов, бедных, рабочих промышленности и сферы обслуживания и специалистов из среднего класса, равно как и немногих наших оппонентов из элиты, которых просто могут терзать угрызения совести.

Однако я действительно согласен с Линдой в одном критически важном пункте. Будет непростительной растратой политического потенциала, если зелёное движение, претендующее на выражение новой экологической политики в этой стране, будет потворствовать американоненавистническому настроению или думать и говорить на политическом языке, который неминуемо окажется отталкивающим или непонятным для большинства американских людей. Десятилетиями радикалы разговаривали с народом Северной Америки на языке немецкого марксизма, русского ленинизма, китайского маоизма или, не так часто, испанского анархизма, – словом, практически на любом языке, кроме того, который укоренён в самой американской революционной традиции, делающей акцент на сообществе, децентрализме, индивидуальности и прямой демократии в противовес

концентрации государственной и корпоративной власти, империалистическому торгашеству и необузданной алчности.

Нам нужно сознательно возродить старый образ «американской мечты», которая была коммунитарной, демократической и утопической, хотя и несовершенной в других отношениях. Хотя нынешняя система насквозь прогнила, она ещё сохраняет в себе следы прежних, часто более либертарных институтов, которые были весьма неуклюже объединены с существующими. Давайте опираться на эти институты и традиции. Используя лозунг, который я пустил в оборот несколько лет назад: «Мы должны демократизировать республику и затем радикализовать демократию».

---

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 21:38:22

Зверобой обновил 18 апреля 2025 21:39:35